

Автор предупреждает, что все герои этого произведения, а также место действия являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Пролог

Путана стояла в тени пальмы у дома на главной набережной княжества Фортунского, правда, далеко не в самой популярной у туристов части, а на окраине. Путана была уже немолода — для своей профессии. Скоро ей придется заканчивать карьеру.

Но разве она могла представить, что так сложится жизнь и судьба забросит ее сюда? Разве она когда-нибудь предполагала выйти на панель? Она с золотой медалью закончила школу, потом с красным дипломом университет, поступила в аспирантуру — и встретила свою любовь. Вместе с тем мужчиной пришлось в срочном порядке покинуть пределы России. Но за ним она была готова пойти куда угодно — на Северный полюс, в Антарктиду, в космос и в другую галактику. Они добрались до княжества Фортунского. Любимый собирался жить тут постоянно, заниматься бизнесом, уже вложил деньги — и начал работать ювелирный магазин, совмещенный с мастерской, ломбард. Перед ними открывались радужные перспективы. Или она так думала. Начиналось-то все очень хорошо. Но потом пошло прахом. Любимый уже несколько лет лежит под слоем земли, или где-то на дне морском покоится. Путана точно не знала, хотя ей говорили, что могила все-таки есть и один клиент да-

же присутствовал на похоронах. Но может, он так говорил, чтобы ее успокоить?

Она сама выжила, осталась в княжестве, правда, не поднималась вверх по социальной лестнице, а спускалась вниз. Куда она могла пойти, кроме как на панель? Ни ее золотая медаль, ни ее красный диплом тут не требовались. Новых граждан княжества Фортунского обычно ждали две судьбы — или взлет и избавление от оставшихся в родной стране проблем (как мечтали женщина и ее любимый), или... так, как случилось с нею.

Деньги вскоре кончились, банковский счет опустел... Да там оказалось не так уж и много. Ведь любимый потратил почти все деньги на переезд сюда. Гражданство тут стоит ровно миллион долларов. Вкладываешь миллион в местную экономику — и получаешь фортунский паспорт, можешь делать все, что хочешь, выплачивая небольшой ежегодный налог на содержание княжеской семьи. Паспорт выдавался и ближайшим родственникам, за которых уже не требовалось вносить миллионы. Конечно, племяннику и двоюродному дедушке гражданство не дали бы, но жена его получила.

Путана много раз задумывалась о том, откуда у ее любимого был миллион. Ведь гражданство и он, и она получили сразу же. Но вопросов она не задавала. О таком не спрашивают даже у любимого.

Женщина уже не надеялась, что ее сегодня снимут. Пятый час утра. Пора идти в крохотную квартиру, в которую она перебралась год назад. От ее постоянного места на набережной было буквально два шага — чтобы клиента на себе дотащить, если его сильно штормит после посещения многочисленных заведе-

ний, окружающих гавань. Пьяные моряки — любимые клиенты портовых шлюх во всем мире.

Она вздохнула. Может, выкурить сигаретку напоследок? Женщина уже достала пачку, зажигалку — и замерла.

Опять они.

Она сделала шаг назад, туда, где было еще темнее. Эти двое вот уже пятый день, то есть ночь, прогуливаются здесь. Как-то странно прогуливаются. Выглядят как моряки, но всегда трезвые. Других трезвых моряков ночью на этой набережной путане видеть никогда не доводилось. Правда, эти пытаются косить под пьяных. Но ее-то не обманешь. Когда она увидела их в первый раз, то предложила свои услуги. Они не заинтересовались. Путана видела, как коллега из Киева, стоящая у соседнего дома, тоже предлагала, но и ей отказали. Коллега потом ей сказала, что это, наверное, голубые.

Она тоже так подумала — во второй раз, когда они очень внимательно разглядывали двух сильно подшофе морячков. На третью ночь они опять разглядывали пьяных. И на четвертую. И всегда совсем поздно, когда на набережной оставались только перепившиеся вдрызг. Многие ночевали на улице — тепло, это вам не родной промозглый Питер. Вчера путана из любопытства немного прошлась за теми двумя — и опять наблюдала их повышенный интерес к пьяницам. Странно. Однако далеко от своего места она не уходила. Может, сегодня пройтись? Все равно клиентов не будет, а так... Все какое-то разнообразие.

И она пошла, держась в тени домов. Белыми ночами княжество Фортунское похвастать не могло, в отличие от Питера, а электричество в районе гавани власти сэкономили, зная, что здешняя публика предпочи-

тает работать в полутьме и не привлекать к себе внимания. Ей не нужно много света за счет честных налогоплательщиков. Путана решила, что это ей на руку.

Те двое опять осматривали пьяных морячков. Надо же, у них с собой даже фонарик! Как интересно!

Впереди показались красные лампочки китайского борделя — такой оригинальной формы, что даже без иероглифов все клиенты сразу определяют: там — китайский «масса-а-аз». Этот «масса-а-аз», как производили слово зазывалы, очень сильно действовал всем русским девчонкам на нервы. Почему — никто толком не мог объяснить. Или после того, как всю ночь по улице разносится непривычная (или теперь уж привычная?) интонация — просто дуреешь?

Из борделя буквально вывалился мужик. На чистом русском помянул чью-то мать, потом добавил еще парочку заковыристых выражений. Может, все-таки удастся заполучить клиента? Помочь соотечественнику отдохнуть после китайских изысков? Путана уже собралась увеличить скорость, но тут увидела, что к мужику устремились те двое странных типов. Она решила подождать.

И правильно сделала. Типы подхватили его под белы ручки, отвели немного подальше, остановились под уличным фонарем и достали свой фонарик. И тут у нее сердце остановилось в груди.

Не может быть! Неужели это та сволочь, из-за которой им с покойным Андреем Швеппенбургом пришлось срочно уехать из России, а потом Андрей еще и отправился в мир иной? Неужели это тот гад, который поломал ей жизнь? Как она мечтала до него добраться! Его лицо навеки впечаталось ей в память. Сложно за-

быть такое... такую морду! У путаны непроизвольно сжались кулаки. Сейчас эти двое его бросят, и она...

Путана не успела додумать, что она сделает. Мужчины его не бросили, а потащили куда-то дальше, причем один что-то говорил в трубку сотового телефона. К сожалению, она не слышала слов, да и вообще не знала национальности мужчин (но точно не русские).

Женщина следовала за ними дальше. Ей было интересно. Она не хотела выпускать из виду этого подонка, раз уж судьба все-таки дала ей с ним встретиться! Сколько раз она молила дать ей шанс отомстить! И кто же такие эти «моряки»?

Они тем временем быстро удалялись. Неблагополучный район княжества — набережная — сошел бы за самый благополучный в каком-нибудь другом городе мира, да в том же Питере, где на Невском, как ей говорили, среди бела дня теперь орудует цыганская шайка. Грязные, невымытые цыгане гурьбой окружают жертву, чаще — иностранцев, и те могут навсегда распрощаться с бумажниками и кошельками. В княжестве Фортунском ничего подобного не происходит. Надо отдать должное полиции, она тут работает так, как должна работать. И взятка не берет! Это очень удивляет российских граждан. Путаны платят налог государству и в свою очередь могут рассчитывать на пенсию, пусть небольшую, но тем не менее, и главное — защиту. Здесь не нужно бояться, что тебя какие-то братки заставят поработать на «субботнике» или маньяк с ножом начнет носиться за ночными бабочками. К таким государство применяет суровые меры наказания — хотя бы для того, чтобы другим было неповадно.

Но куда же направляются эти «моряки», которые ташат за собой пьяного? Они явно торопятся. Так...

Им подали сигнал с катера! Все-таки им или нет?.. Конечно, им, кому же еще? И «моряк» с фонариком отвечает! Путана притаилась под развесистым кустом, вдохнула аромат цветов, названия которых не знала. Как тут все-таки приятно жить! Какой прекрасный климат...

Трое уже поднялись на борт, и катер быстро отчалил от берега. Путана проследила за направлением движения — и застыла на месте. Судно шло к княжеской яхте. Не к самой большой, той, которая участвует во всех церемониях, а ко второй, чуть меньше размером, на которой княжеская семья отправляется в морские путешествия, вернее, как говорят, Великий князь устраивает оргии. О нем тут ходит немало слухов. Он — главная тема местной желтой прессы, которой в княжестве больше, чем любой другой. Тем у нее в избытке — связанных как с княжеской семьей, так и с соотечественниками путаны... Даже трудно сказать, о ком пишут больше.

Это определенно была яхта Великого князя. Дракона на носу ни с чем не спутаешь, да и вообще, путана столько раз ею любовалась...

Катер встал вдоль борта. Путана не видела, что происходит, но предполагала, что приплывшие пересаживаются на большое судно.

Вскоре яхта снялась с якоря.

* * *

Через день все газеты мира сообщили о том, что яхта Великого князя Фортунского была найдена дрейфующей в Средиземном море. Пассажиры и команда отсутствовали. В кают-компании остались следы борьбы и пятна крови. Катера не было.

Начались поиски. Княжество отказывалось признать кончину Великого князя, который не был женат и не оставил после себя законных наследников.

Глава 1

Алла устало смывала макияж. День выдался тяжелым. Вначале встреча с поставщиками, потом проблема в одном из салонов — у клиентки оказалась гиперчувствительная кожа, а она об этом не предупредила. Зато обвинила во всем салон. А клиент-то всегда прав... Слава богу, все решилось. Но сколько нервов пришлось потратить Алле...

Она уже давно научилась общаться с недовольными, хотя, если откровенно, таковых было мало. В основном встречались выпендривающиеся — скучающие дамочки, которым страсть как хочется поругаться. Дома мужу-бизнесмену, который и выдает деньги на наряды и салоны, не особо-то станешь высказывать претензии — вполне можешь лишиться золотого ручейка. По магазинам для простых граждан такие не ходят, вместо этого посещают массажисток, маникюриш, парикмахеров, визажистов и на них срываются. А Алле как раз принадлежало три салона, оказывающих услуги дамам, желающим улучшить свой внешний вид.

Она сама предпочитала иметь дело с бизнес-леди. Те если и высказывали претензии, то по делу. Они приходили к Алле расслабляться — как, впрочем, и другие работающие женщины. Накричал начальник — а ты пойдешь сделай прическу, и настроение тут же улучшится. Просто устала — сделай масочку, массаж лица, и сразу же станет легче. Эти клиентки обычно бывали

благодарны и Алле, и ее сотрудницам. А жены «новых русских»... Аллу просто передернуло. О них вспоминать не хотелось.

Один салон у нее назывался элитным, хотя в двух других качество услуг было не хуже. Но ведь выпендривающимся дамочкам нужно знать, что они ходят туда, где все рассчитано на «представительниц высшего общества»! Эта публика не считает качественной недорогую услугу или недорогую вещь. Если дерешь с них по полной программе, они уверены, что получают самое лучшее, а станешь брать мало, они тебя не будут уважать. Алле очень захотелось плюнуть, но не на собственный же пол, который потом самой и мыть.

Два других салона были рассчитаны на менее притязательную публику. Изначально Алла хотела открыть просто сеть однотипных заведений, но жизнь заставила поменять планы и ориентироваться на разные категории клиенток. Начиналось-то все с одного маленького помещеньца...

* * *

После окончания школы, четырнадцать лет назад, Алла Афанасьева получила от родителей подарок — путешествие по Европе. Девочка уже давно мечтала съездить в Париж, а папе удалось купить путевку, позволяющую провести пять дней в Париже и пять — в княжестве Фортунском. Алла подошла к делу серьезно: отправилась в библиотеку и прочитала историю древнего княжества и княжеского рода. Ей захотелось самой взглянуть на крепость, насчитывающую уже восемь веков, на резиденцию, частично открытую для посещения публики, яхту, на которую тоже иногда пускают туристов, походить по древним улицам со

зданиями старых банков, которые в наши дни могут похвастаться одними из самых крупных вкладов в мире. Княжество Фортунское являлось офшорной зоной. Как говорилось в книге, которую читала юная Алла, крошечная страна собрала авантюристов всех мастей, правда, на ее территории они не орудовали — количество преступлений на душу населения там было самым малым в Европе, если не в мире. И это при населении в семьсот тысяч человек и при том, что статистика учитывала все, включая кражу перчаток из магазина.

Почему? Ну, наверное, потому, что авантюристы заключили что-то типа негласного соглашения: не нужно гадить там, где живешь. А жизнь в княжестве Фортунском всех устраивала. Оно защищало своих граждан, при условии что граждане исправно платили налоги и не хулиганили. Многие европейские державы были недовольны, но... Княжество процветало и в международную политику не лезло. Да и многие политики всего мира были там частыми гостями — в частном порядке.

Там также имелось более двадцати казино, куда слетались все сливки европейского общества. Казино держали марку. Возможно, с княжеством мирились, потому что все руководящие лица маленького государства умели держать язык за зубами, закрывали глаза на шалости особ королевской крови и высокопоставленных чиновников, которые могли развлекаться здесь как душеньке угодно и не бояться огласки. Был принят очень суровый закон против папарацци, и несколько типов томились в средневековой тюрьме. У других быстро отпало желание фотографировать кого не следует. Более того, для всех журналистов (пишущих, фотографирующих и снимающих на телека-

меру) сразу же по прибытии устраивалась экскурсия в местную тюрьму и читалась краткая лекция о действующих законах. Потом им позволялось пообщаться с томящимися в застенках коллегами. Желтая пресса публиковала рассказы о любовных похождениях известных особ, но, как правило, не называя имен и лишь намекая на лица, кроме случаев, когда особы сами хотели засветиться (что бывало нередко) и подписывали соответствующие бумаги. Обычно скандальной известности жаждали звезды кино и эстрады. Поэтому работы у писак было навалом, и они легко обходились без рассказов о проделках европейских политиков и членов королевских фамилий. Тем более в других странах за пикантные репортажи о них в тюрьму не сажают.

Про княжескую семью информации давалось немного. По большей части рассказывалось об основателе династии, дальнем родственнике французского монарха, который не имел никаких шансов на престол. Во время одного из многочисленных конфликтов с Англией он одержал очень важную победу над давним противником и в награду получил от французского монарха земли. Объединив вокруг себя честолюбивых молодых людей, как правило, третьих, четвертых и пятых сыновей, которые, как и он сам, фактически не имели шансов на наследство, он основал княжество. Король Франции, постоянно беспокоившийся об отношениях с Англией, решил не затевать очередную войну, а призвал нового Великого князя ко двору и заключил с ним соглашение о взаимопомощи.

Потомки основателя династии построили крепость, потом стали думать, как сделать княжество привлекательным для представителей различных наций, и вкладывали и душу, и средства в развитие сво-

его маленького государства, которым очень гордились.

У последнего Великого князя, правившего четырнадцать лет назад, было трое детей — наследник Алан и дочери Луиза и София. В книге, которую читала Алла, имелась фотография княжеской семьи — сам Великий князь, Великая княгиня, имевшая даже русские корни, и отпрыски.

«Какой симпатичный молодой человек!» — подумала Алла, глядя на наследника престола. И вообще вся семья выглядела очень представительно, в особенности в церемониальных одеждах.

Алла согласилась с отцом: ей будет интересно побывать в этом крошечном государстве со своим особым укладом жизни и своеобразными законами. Восторженная семнадцатилетняя девушка с группой русских туристов отправилась в Париж. Шел 1990 год.

В Париже она очень жалела, что не учила французский, хотя по-английски после окончания спецшколы изъяснялась очень неплохо. Правда, девушка собиралась стать экономистом. Папа объяснил, что это в новой экономике России специальность перспективная.

Однажды теплым вечером Алла, нагулявшись за день, остановилась у открытого кафе. Ноги гудели, да и следовало перекусить. Она гуляла одна, потому что девушки из группы вечером отправлялись в какие-то увеселительные заведения, а ей хотелось просто побродить по Парижу, вдыхая его атмосферу.

Стоял восхитительный июльский вечер. Алла сделала заказ и устроилась за угловым столиком на улице. Когда принесли горячее, она вдруг заметила, что за ней наблюдает симпатичный молодой человек, занявший место через пару столиков. Он тоже ужинал в

одинокости. Молодой брюнет с карими глазами и прекрасным загаром был одет в светло-голубые летние брюки и льняную рубашку «а-ля пейзаж рюс»¹, которые, как во время первой экскурсии сказала гид, сейчас в моде и стоят безумно дорого.

Кофе молодой человек пил уже за столиком Аллы. Он прекрасно говорил на английском, хотя родным его языком был французский.

Молодой человек представился Аланом.

У Аллы почему-то создалось впечатление, что она его где-то видела. Хотя где она могла встречаться с французом? Алан никогда не бывал в России, Алла никогда раньше не выезжала за границу.

Они пробыли по набережным до часу ночи, Алан умело говорил комплименты, отметив ее длинные ноги и пушистые ресницы, которые не требовалось удлинять при помощи активно рекламируемой во Франции туши, которая в те годы еще не пришла в Россию. Потом молодой человек проводил ее в гостиницу и предложил завтра покататься по городу. У Аллы на следующий день не было запланировано никаких экскурсий, она собиралась гулять одна и была рада компании. Через день ей предстояло переехать в княжество Фортунское.

Всю ночь ей снился Алан, причем *таких* снов у семнадцатилетней Аллы раньше никогда не бывало... То прижимал ее к груди, причем обнаженной, то... Девушка проснулась вся мокрая, побежала в душ и потом долго рассматривала свое тело в зеркале, критически оценивая грудь, из-за размера которой (как ей казалось, слишком большого — третьего) она страдала. Хотя грудь в сочетании с тонкой талией и длинными

¹ Paysan russe (фр.) — русский крестьянин (*Прим. автора*).

ногами смотрелась неплохо... И пожалуй, надо отрастить волосы: мужчины любят длинные волосы. Стрижка у нее, конечно, модная, но... И может, перекраситься в блондинку? Вроде бы мужчины предпочитают блондинок?

В княжестве Алла не была ни на одной экскурсии с группой. Алан оказался тем самым наследником великокняжеского престола и провел с ней индивидуальные экскурсии по местам, куда обычных туристов не пускают никогда. Конечно, девушка вспомнила, где видела его раньше.

— Но почему ты сидел в кафе один?! — поразились девушка, узнав, с кем познакомилась. Ей было трудно поверить, что такая высокопоставленная особа без телохранителей, запросто ужинала в уличной забегаловке, кафе — в особенности после перемен последних лет в России, когда даже самого мелкого банкиришку стала окружать целая свита мордovorотов.

— А почему нет? — также удивился Алан. — Я вообще не люблю всяческие церемонии. И ведь когда человек сразу знает, кто я, он ведет себя по-другому. Девушки... э... ну... воспринимают меня не просто как молодого интересного парня, а как будущего главу государства. Ну... ты понимаешь. И как знакомиться, когда вокруг тебя группа амбалов, при виде которых нормальному человеку хочется убрать кошелек подальше, а оружие положить поближе?.. Или просто сразу же исчезнуть, а не разговаривать со мной...

Алан был галантен, Алан был вежлив, Алан не распускал руки и только в последнюю ночь Аллы в княжестве робко пригласил ее на яхту. Он вел себя совсем не так, как мальчишки из Аллиного класса и все знакомые молодые люди. Он был другим. Он спрашивал ее разрешения, он беспокоился о ее чувствах...

Все произошло на огромной мягкой постели, на шелковых белоснежных простынях... Алла была на седьмом небе от счастья. Она влюбилась в молодого мужчину по имени Алан, и ей было все равно, является он наследником какого-то престола или нет. Он интересовал ее как мужчина. И вообще, что бы она делала на великокняжеском престоле?

Потом она вернулась в Россию.

В первый день после возвращения Аллы к ней без приглашения заявился бывший одноклассник Славка Литвинов, который давно имел на нее виды. После Алана Славка казался редкостным хамом и грубияном — во сто крат больше, чем раньше. Его шуточки из серии про джентльмена — «истинный джентльмен никогда не сделает замечание даме, неправильно несущей шпалу» — ничего, кроме раздражения, не вызывали. А уж внешне... Косая сажень в Славкиных плечах появилась классе в восьмом, если не в седьмом, челюсть как-то странно выдвинулась вперед примерно в то же время (почему-то она очень нравилась многим девочкам, которые называли ее «мужественной»), мышечная масса с каждым годом наращивалась, и теперь, по мнению Аллы, он вполне мог бы сделать карьеру в Голливуде, снимаясь в дешевых вестернах. Славка напоминал типаж «ковбоя в салуне», фильмы с которыми активно крутили в России в те годы.

Славка не давал Алле прохода — подкарауливал во дворе, встречал после сдачи экзаменов в институт. Сам он никуда поступать не собирался и уже работал в автосервисе. В машинах разбирался прекрасно и вообще мог починить все, что угодно. Учителя в школе часто носили ему ремонтировать утюги, пылесосы и прочие бытовые приборы. За это закрывали глаза на полное незнание практически всех предметов. Но ат-

тестат Славка получил, и даже в основном с четверками. Это еще больше убедило его в мысли, что главное — уметь работать руками и находить ценных клиентов, а высшее образование совершенно ни к чему. И вообще, если он захочет, то и диплом об окончании какого-нибудь вуза получит. Как — другой вопрос. Но терять еще пять лет на сидение за партой Литвинов точно не собирался.

О том, что Алла беременна, первой догадалась мама. Сама Алла не понимала, что с ней происходит — или, может, слишком закрутилась со сдачей экзаменов и началом студенческой жизни.

А когда родители узнали, от кого она беременна...

Собрали семейный совет, подключив тетю, родную сестру матери, которая всегда очень любила Аллу. Тетя вызвалась съездить в княжество Фортунское. Она была женщиной пробивной, и Алла с родителями не сомневались, что из их семьи ей лучше всех удастся разговор с молодым князем.

Тетя вернулась в Россию вместе с Аланом, чего, признаться, не ожидали ни Алла, ни тем более ее родители.

Никто не мог предположить, что появление Славки Литвинова испортит ей жизнь. Откуда он прослышал про Алана — неизвестно, но на второй день после его приезда (без помпы и церемоний, а как частное лицо), когда молодой князь и Алла были в квартире одни, раздался звонок в дверь. Ворвался Славка с группой приятелей. Они сцапали Алана. Алла пыталась его защитить, но в результате оказалась со сломанным носом. Вернувшиеся родители нашли ее на полу без сознания.

Алан исчез.

Искали его не только наши органы, но и полицей-

ские княжества Фортунского, которые в срочном порядке прибыли в Россию. Алла пожалела, что вообще обратилась в милицию, тем более она так плохо себя чувствовала... Высокопоставленный полицейский чин из княжества сказал, что ей лучше избавиться от ребенка. Она отказалась наотрез. Тогда ей объяснили, что она никогда не сможет ни на что претендовать — княжество этого наследника не признает и брака Аллы с какой-то неизвестной русской уж точно не допустит. Полицейский цитировал какие-то законы, специально разработанные княжеством, чтобы авантюристки, подобные Алле Афанасьевой, не претендовали на трон. Алла заявила, что их трон ее совершенно не интересует, а ребенка она родит для себя — он был зачат по любви, и она просто боится остаться бездетной, сделав первый аборт.

Наконец от нее отстали и наши, и фортунские чины.

Потом родился Сашка.

Тетя, по профессии косметолог, устроила Аллу к знакомому хирургу, который сделал ей очаровательный носик — лучше прежнего. Алла перевелась на вечернее отделение, тетя устроила ее к себе в Институт красоты работать секретарем, потом они вместе с еще одной женщиной открыли первый салон.

Дело пошло. Алла, получив диплом экономиста и обнаружив в себе организаторский талант, взяла на себя административную работу. Тетя подобрала лучших мастеров и занималась тем, чем и раньше — только за большие деньги и с большей свободой для творчества.

Сашка рос.

Алан вернулся в княжество месяца через два после приезда в Россию. Как — Алла так никогда и не узна-

ла. Два года спустя умер его отец, и Алан стал Великим князем Фортунским, правда, так и не женился. На вопросы журналистов он отвечал, что в его жизни была одна большая трагическая любовь, и после нее ему сложно найти женщину, с которой он хотел бы связать свою жизнь.

Аллу он никогда не пытался найти.

Славка Литвинов отправился в места не столь отдаленные, правда, без товарищей: на суде он никого не сдал. По возвращении с зоны с Аллой встреч не добивался, хотя она вначале опасалась за свою жизнь и здоровье. Через третьи руки (все-таки они учились в одном классе, было много общих знакомых) Алла знала, что Слава теперь «крутой авторитет», и неоднократно слышала о его деловых успехах. Она только радовалась, что он теперь появляется «в обществе» в сопровождении юных фотомоделей, не менее двух за раз, и о ней вроде бы позабыл навсегда.

Она ошибалась.

— Ну наконец-то! — воскликнул Витольд, когда трое членов команды вместе с «клиентом» причалили к борту яхты. — Нашли?

— Вроде бы подходящий, — ответил один из гулявших по набережной «моряков». — Мы ему тут укольчик сделали, чтобы не рыпался...

— Правильно, правильно, затаскивайте, — торопил Витольд. — Надо побыстрее отчаливать.

Двое затащили на борт яхты бесчувственное тело, третий закрепил катер у кормы, сам поднялся на палубу — и яхта снялась с якоря.

Подобранного на набережной мужика оттащили в кают-компанию. Теперь при свете яркой лампы его рас-

смотривали двое — Витольд и еще один мужчина. Трое моряков управляли яхтой.

— Так, глаза ему открой, — велел Витольду человек, старший в группе, державшийся властно и явно привыкший к подчинению.

Витольд выполнил приказ.

— Цвет — твой, — сказал он. — Ребята же смотрели. Столько дней подыскивали! И рост, и телосложение — все подходит. И рыбки еще немного над ним поработают... Сколько дней он в воде пролежит? И ты сам должен понимать, что в морской воде тело явно претерпит изменения... А перстень будет твой, и колечко сейчас в пупок вставим. И нос у него самого явно был сломан! Мизинец сейчас ломаем... Просто идеально подходит!

— Еще надо осмотреть. Вдруг там какие-то родинки...

— Срежем, — невозмутимо ответил Витольд. — Будто тебя пытали. Помоги мне его раздеть.

Витольд со вторым мужчиной принялись раздевать бесчувственное тело, пока еще живое и не представляющее, что ему уготовано.

Когда стянули рубашку, то обнаружили, что на толстой золотой цепи висит огромный крест, украшенный бриллиантами.

Витольд усмехнулся.

— Как думаешь, на сколько потянет? — спросил главный.

— Часть твоих долгов покроет, — хохотнул Витольд, но после того, как осмотрел всего спящего, ему стало не до смеха. На плече, левой груди и коленях выделялись синие татуировки.

Двое еще раз очень внимательно осмотрели пьяного. Витольд выругался. Второй мужчина тоже выругался.

— Они что, никого другого найти не могли?! — взревел главный в группе.

— Но ведь они не знали, кто это, — спокойно заметил Витольд. — И татуировки — не проблема. Я же говорил тебе: срежем. Они же не до кости. Я вспомню свои медицинские навыки. Ведь учили же меня чему-то!

Два часа спустя за борт сбросили два тела. От татуировок на первом не осталось и следа — там зияли раны, пришлось, правда, оттяпать еще и кусок справа, в нижней части туловища — со старым шрамом от аппендицита. На безымянный палец надели перстень с гербом, в пупок вставили кольцо, мизинец сломали. Второе тело, подобранное два дня назад, достали из морозильной камеры.

Потом компания занялась самой яхтой. Покинули ее на катере, оставив дрейфовать. Куда-нибудь да прибьет...

* * *

Когда раздался телефонный звонок, Вячеслав Литвинов тут же поднял трубку. Звонил один из его людей, находившихся в княжестве Фортунском. Конечно, это не только его человек, просто из их команды... Но нельзя было исключать, что Литвинов теперь станет «папой» и единственным начальником. В их жизни такой вариант никогда нельзя исключать — не то, что станет, а то, что освободится место.

— Ну?! — крикнул в трубку Вячеслав.

— Никакой информации, — сообщил ему звонивший. — Он как сквозь землю провалился.

— Такого не может быть! Просто не может! Тем более в княжестве! Я бы поверил, если бы дело происходило в России. Но у фортунцев?!

— Однако это так.

Литвинов на мгновение задумался.

— Наймите частного детектива, — приказал он. — Местного. Фортунца. Из бывших полицейских. Дорогого.

— Что ему говорить? — уточнили на другом конце провода.

— Ты что, идиот?! Просто дать задание начать поиск.

* * *

Засекреченный агент ФСБ, пару лет назад перебравшийся в княжество Фортунское по заданию Родины (в лице генерала Сидорова), позвонил упомянутому генералу. Ему требовалось получить указания относительно действий в изменившейся обстановке. Родина (в указанном лице) пока не была готова к ответу, но обещала подумать, вернее, уже думала. Княжество Фортунское давно стало головной болью Сидорова, а те, кто туда перебрался, были его зубной болью еще в те годы, когда оставались гражданами России.

Глава 2

Тринадцатилетний Тарас Заблудайко сидел за компьютером в огромном бабушкином кабинете. Лариса Тарасовна, директор огромного супермаркета «Для всей семьи», обсуждала детали какой-то сделки со старым адвокатом Сергеем Григорьевичем Рогозиным, который на протяжении не одного десятка лет консультировал бабушку Тараса и много раз повторял, что Лариса Тарасовна не перестает его удивлять своими идеями. Старик относился к ней с большим уважением. Возможно, как раз потому, что не знал, какие мысли

придут в ее рыжую (ныне крашеную) голову. Мысли других клиентов он предугадывал до того, как они начинали зарождаться.

Тарасом бабушка занималась фактически с рождения — взяла его воспитание в свои руки. Тарас бабушки побаивался. Она была единственным человеком, кого он побаивался, но относился к ней так же, как и Сергей Григорьевич. Не исключено, что и Rogozin побаивался Ларисы Тарасовны, в особенности, если учесть, что маленький и шупленький адвокат весил килограммов пятьдесят и дотягивал лишь до плеча госпожи Заблудайко, давно разменявшей центнер. Уважение и страх, как заметил Тарас, было всеобщим отношением к его бабушке. Мать он серьезно не воспринимал. Она, как говорила бабушка, вообще пошла неизвестно в кого. У матери постоянно была какая-то большая любовь. Бабушка запретила травмировать Тараса бессчетным количеством пап, и Тарас крайне редко видел и мать, и ее возлюбленных. Бабушка купила ей отдельную квартиру, выдавала какие-то деньги и ставила условие: не лезть к Тарасу и к ней самой, раз уж на Оксане «природа отдыхает», как выражалась бабушка.

К Тарасу мать и не лезла. Как он считал сам, ей до него не было дела. В детстве он очень переживал, потом, после проведенной бабушкой работы, смирился. Бабушка всегда проповедовала истину, что нельзя иметь все, как и нельзя пытаться откусить кусок, который точно не сможешь проглотить. Она перечисляла, что есть у Тараса и что еще у него будет, если он станет слушаться бабушку. Но все получить нельзя. И за это нужно платить. Чтобы платить меньше, есть Сергей Григорьевич. Он поможет сделать так, чтобы государству и всем другим загребушим рукам доставав-

лось поменьше, а себе оставалось побольше. Тарас постигал жизненные премудрости с раннего детства. Бабушка скучать ему не давала и часто повторяла, что возлагает на него большие надежды. На кого ей еще оставить бизнес?

Тарасу хотелось сделать что-то, чтобы и бабушка, и Сергей Григорьевич, к мнению которого Тарас всегда прислушивался, начали им гордиться. Недавно его посетила любопытная идея... Он претворил ее в жизнь...

Отца Тарас никогда не видел. Отчество у него было какое-то странное — Аланович. На все вопросы бабушка отвечала одно и то же: подрастешь — узнаешь. Мать говорила, чтобы спросил у бабушки — она лучше знает. Этого Тарас не понимал. Почему бабушка лучше, чем мать, знает, кто его отец? Но вообще-то он не очень удивлялся — после того, как все тринадцать лет своей жизни прожил бок о бок с Ларисой Тарасовой.

Когда у Тараса возник интерес к компьютерам, бабушка стала его всячески поощрять и даже пригласила преподавателей, которые занимались с Тарасом индивидуально. Но Тарас любил работать сам. И тому, что он делал, преподаватели его не обучали. Он искал ответы в Интернете или просто пробовал новые идеи. Сам. Хотелось поразить бабушку. Он знал, что она оценит его ход. Особенно такой.

Внезапно за дверь бабушкиного кабинета послышался шум и громкий гортанный говор. Бабушкина секретарша — их дальняя родственница — явно пыталась закрыть собой дверь в святая святых. Вообще в супермаркете по большей части работали или их родственники, или друзья родственников, или знакомые знакомых. Бабушка терпеть не могла брать людей с

улицы. Она считала — лучше свой, без специального образования, чем все знающий, но чужой. Своего — если захочет — обучить можно чему угодно. Не захочет — найдется другой. Тоже свой. Благо на Украине сейчас с работой туго. Некоторые их работники держали в супермаркете место — или места — за своей семьей. Пару месяцев трудятся папа с мамой, потом приезжают дочь с мужем, потом сын с невесткой, потом дядька со своей новой тетей... За работу держались. Тем более что Лариса Тарасовна еще и обеспечивала дешевое жилье, хотя и за городом, но существовал и автобус, который и вез всю честную компанию утром на работу, а вечером с работы. Днем сотрудников кормили вкусными обедами за счет фирмы. Лариса Тарасовна процветала.

Дверь в бабушкин кабинет распахнулась.

— Лариса Тарасовна, я не могла их сдержать! — закричала секретарша.

Тарас повернул голову от компьютера. В кабинет входили трое восточных мужчин с синеватыми от проступающей щетины лицами. Старшему — тучному дядьке с сединой в волосах — было лет пятьдесят, а может, и все шестьдесят. Тарас не мог определить точнее. Двое других, наверное, были его сыновьями — или какими-то молодыми родственниками. Не телохранителями. Телохранителей Тарас научился распознавать. За тремя восточными следовал четвертый мужчина, явно русский и самый молодой. Секретарь?

— Ромаз Нуримович! Какими судьбами?! — воскликнула Лариса Тарасовна и нехорошо прищурилась.

— Здравствуйте, Ромаз Нуримович, — поздоровался Сергей Григорьевич со своего места, но не встал и руки не подал. — Здравствуйте, юноши!

Тарас уткнулся в компьютер. Внизу живота появи-

лось неприятное ощущение. Бабушка, конечно, решит вопрос с этим восточным дядей. И Сергей Григорьевич поможет. Но что потом бабушка сделает с Тарасом... А ведь он хотел ее удивить. Удивил, называется...

Ромаз Нуримович без приглашения взял стул и уселся, упер руки в жирные бедра, метал взгляды-молнии. Двое сыновей (или молодых родственников) стояли за его спиной. Русский парень пристроился поближе к Тарасу и косил глазом на компьютер. Секретарша маячила в дверях.

— Люся, закрой дверь с другой стороны и больше никого не пускай, — велела Лариса Тарасовна.

Люся сразу же повиновалась.

— Что же привело вас ко мне, уважаемый Ромаз Нуримович? — спросила бабушка у незваного гостя. — По-моему, вы у меня впервые.

Сергей Григорьевич смотрел вопросительно, но пока молчал. Видимо, готовился к предстоящей схватке — словесной, в которых слыл большим мастером. В случае же физической от него, после столкновения с Ромазом Нуримовичем и сопровождавшими того юношами, осталось бы мокрое место.

Ромаз Нуримович долго молча смотрел на Ларису Тарасовну, потом повернул голову в сторону Тараса и уставился на него. Тарас почувствовал себя, словно кролик перед удавом. Огромные черные глаза, казалось, парализовывали. Тарас не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Это и есть юный гений? — наконец прошипел восточный дядя.

— Тарас — талантливый мальчик, — подал голос Сергей Григорьевич и бросил быстрый взгляд на внучка своей самой ценной клиентки.